

Н. НОСОВ

Звезда Малеев

В ШКОЛЕ
И ДОМА

Machaon

Николай Носов

Витя Малеев в школе и дома

«Азбука-Аттикус»

1950

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Носов Н. Н.

Витя Малеев в школе и дома / Н. Н. Носов — «Азбука-Аттикус»,
1950

ISBN 978-5-389-17672-0

«Витя Малеев в школе и дома» – это весёлая и озорная повесть о школьных и внешкольных приключениях мальчишек. А иллюстрации А. Каневского создают особую атмосферу, погружая читателя в беззаботный и уютный мир детства.

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-389-17672-0

© Носов Н. Н., 1950
© Азбука-Аттикус, 1950

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	23
Глава четвёртая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Н.Н. Носов

Витя Малеев в школе и дома

© Носов. Текст, художественные образы, иллюстрации, 2016

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016 Machaon®

* * *

Носов

Николай

Витя Малеев

в школе и дома

Рассказы и повести

Художник А. Каневский

Издание И. П. Носова

Москва
«Махаон»

Глава первая

Подумать только, как быстро время летит! Не успел я оглянуться, как каникулы кончились и пришла пора идти в школу.

Целое лето я только и делал, что бегал по улицам да играл в футбол, а о книжках даже позабыл думать. То есть я читал иногда книжки, только не учебные, а какие-нибудь сказки или рассказы, а так чтоб позаниматься по русскому языку или по арифметике – этого не было. По русскому я и так хорошо учился, а арифметики не любил. Хуже всего для меня было – это задачи решать. Ольга Николаевна даже хотела дать мне работу на лето по арифметике, но потом пожалела меня и перевела в четвёртый класс так, без работы.

– Не хочется тебе лето портить, – сказала она. – Я переведу тебя так, но ты дай обещание, что сам позанимаешься по арифметике летом.

Я, конечно, обещание дал, но как только занятия кончились, вся арифметика выскочила у меня из головы, и я, наверно, так и не вспомнил бы о ней, если б не пришла пора идти в школу. Стыдно было мне, что я не исполнил своего обещания, но теперь уж всё равно ничего не поделаешь.

Ну и вот, значит, пролетели каникулы! В одно прекрасное утро – это было первого сентября – я встал пораньше, сложил свои книжечки в сумку и отправился в школу. В этот день на улице, как говорится, царило большое оживление. Все мальчики и девочки, и большие и маленькие, как по команде, высыпали на улицу и шагали в школу. Они шли и по одному, и по двое, и даже целыми группами по несколько человек. Кто шёл не спеша, вроде меня, кто мчался стремглав, как на пожар. Малыши тащили цветы, чтобы украсить класс. Девчонки визжали. И ребята тоже некоторые визжали и смеялись. Всем было весело. И мне было весело. Я был рад, что снова увижу свой пионерский отряд, всех ребят-пионеров из нашего класса и нашего вожатого Володю, который работал с нами в прошлом году. Мне казалось, будто я путешественник, который когда-то давно уехал в далёкое путешествие, а теперь возвращается обратно домой и вот-вот скоро уже увидит родные берега и знакомые лица родных и друзей.

Но всё-таки мне было не совсем весело, так как я знал, что не встречу среди старых школьных друзей Федю Рыбкина – моего лучшего друга, с которым мы в прошлом году сидели за одной партой. Он недавно уехал со своими родителями из нашего города, и теперь уж никто не знает, увидимся мы с ним когда-нибудь или нет. И ещё мне было грустно, так как я не знал, что скажу Ольге Николаевне, если она меня спросит, занимался ли я летом по арифметике. Ох уж эта мне арифметика! Из-за неё у меня настроение совсем испортилось.

Яркое солнышко сияло на небе по-летнему, но прохладный осенний ветер срывал с деревьев пожелтевшие листья. Они кружились в воздухе и падали вниз. Ветер гнал их по тротуару, и казалось, что листочки тоже куда-то спешат.

Ещё издали я увидел над входом в школу большой красный плакат. Он был увит со всех сторон гирляндами из цветов, а на нём было написано большими белыми буквами: «Добро пожаловать!» Я вспомнил, что такой же плакат висел в этот день здесь и в прошлом году, и в позапрошлом, и в тот день, когда я совсем ещё маленьким пришёл первый раз в школу. И мне вспомнились все прошлые годы. Как мы учились в первом классе и мечтали поскорей подрасти и стать пионерами.

Всё это вспомнилось мне, и какая-то радость встрепенулась у меня в груди, будто случилось что-то хорошее-хорошее! Ноги сами собой зашагали быстрее, и я еле удержался, чтоб не пуститься бегом. Но это было мне не к лицу: ведь я не какой-нибудь первоклассник – как-никак всё-таки четвёртый класс!

Во дворе школы уже было полно ребят. Ребята собирались группами. Каждый класс отдельно. Я быстро разыскал свой класс. Ребята увидели меня и с радостным криком побежали навстречу, стали хлопать по плечам, по спине. Я и не думал, что все так обрадуются моему приходу.

– А где же Федя Рыбкин? – спросил Гриша Васильев.

– Правда, где Федя? – закричали ребята. – Вы всегда вместе ходили. Где ты его потерял?

– Нету Феде, – ответил я. – Он не будет больше у нас учиться.

– Почему?

– Он уехал из нашего города со своими родителями.

– Как так?

– Очень просто.

– А ты не врешь? – спросил Алик Сорокин.

– Вот ещё! Стану я врать!

Ребята смотрели на меня и недоверчиво улыбались.

– Ребята, и Вани Пахомова нет, – сказал Лёня Астафьев.

– И Серёжи Букатина! – закричали ребята.

– Может быть, они тоже уехали, а мы и не знаем, – сказал Толя Дёжкин.

Тут, как будто в ответ на это, отворилась калитка, и мы увидели, что к нам приближается Ваня Пахомов.

– Ура! – закричали мы.

Все побежали навстречу Ване и набросились на него.

– Пустите! – отбивался от нас Ваня. – Человека никогда в жизни не видели, что ли?

Но каждому хотелось похлопать его по плечу или по спине. Я тоже хотел хлопнуть его по спине, но по ошибке попал по затылку.

– А, так вы ещё драться! – рассердился Ваня и изо всех сил принялся вырываться от нас.

Но мы ещё плотней окружили его.

Не знаю, чем бы всё это кончилось, но тут пришёл Серёжа Букатин. Все бросили Ваню на произвол судьбы и накинулись на Букатина.

– Вот теперь, кажется, уже все в сборе, – сказал Женя Комаров.

– Все, если не считать Феди Рыбкина, – ответил Игорь Грачёв.

– Как же его считать, если он уехал?

– А может, это ещё и неправда. Вот мы у Ольги Николаевны спросим.

– Хотите верьте, хотите нет. Очень мне нужно обманывать! – сказал я.

Ребята принялись разглядывать друг друга и рассказывать, кто как провёл лето. Кто ездил в пионерлагерь, кто жил с родителями на даче. Все мы за лето выросли, загорели. Но больше

всех загорел Глеб Скамейкин. Лицо у него было такое, будто его над костром коптили. Только светлые брови сверкали на нём.

– Где это ты загорел так? – спросил его Толя Дёжкин. – Небось целое лето в пионерлагере жил?

– Нет. Сначала я был в пионерлагере, а потом в Крым поехал.

– Как же ты в Крым попал?

– Очень просто. Папе на заводе дали путёвку в дом отдыха, а он придумал, чтоб мы с мамой тоже поехали.

– Значит, ты в Крыму побывал?

– Побывал.

– А море видел?

– Видел и море. Всё видел.

Ребята обступили Глеба со всех сторон и стали разглядывать, как какую-нибудь диковинку.

– Ну так рассказывай, какое море. Чего ж ты молчишь? – сказал Серёжа Букатин.

– Море – оно большое, – начал рассказывать Глеб Скамейкин. – Оно такое большое, что если на одном берегу стоишь, то другого берега даже не видно. С одной стороны есть берег, а с другой стороны никакого берега нет. Вот как много воды, ребята! Одним словом, одна вода! А солнце там печёт так, что с меня сошла вся кожа.

– Врёшь!

– Честное слово! Я сам даже испугался сначала, а потом оказалось, что у меня под этой кожей есть ещё одна кожа. Вот я теперь и хожу в этой второй коже.

– Да ты не про кожу, а про море рассказывай!

– Сейчас расскажу... Море – оно громадное! А воды в море пропасть! Одним словом – целое море воды.

Неизвестно, что ещё рассказал бы Глеб Скамейкин про море, но в это время к нам подошёл Володя. Ну и крик тут поднялся! Все обступили его. Каждый спешил рассказать ему что-

нибудь о себе. Все спрашивали, будет он у нас в этом году вожатым или нам дадут кого-нибудь другого.

– Что вы, ребята! Да разве я отдам вас кому-нибудь другому? Будем работать с вами, как и в прошлом году. Ну, если я сам надоем вам, тогда дело другое! – засмеялся Володя.

– Вы? Надоедите?.. – закричали мы все сразу. – Вы нам никогда в жизни не надоедите! Нам с вами всегда весело!

Володя рассказал нам, как он летом со своими товарищами комсомольцами ездил в путешествие по реке на резиновой лодке. Потом он сказал, что ещё увидится с нами, и пошёл к своим товарищам старшеклассникам. Ему ведь тоже хотелось поговорить со своими друзьями. Нам было жалко, что он ушёл, но тут к нам подошла Ольга Николаевна. Все очень обрадовались, увидев её.

– Здравствуйте, Ольга Николаевна! – закричали мы хором.

– Здравствуйте, ребята, здравствуйте! – улыбнулась Ольга Николаевна. – Ну как, нагулялись за лето?

– Нагулялись, Ольга Николаевна!

– Хорошо отдохнули?

– Хорошо.

– Не надоело отдыхать?

– Надоело, Ольга Николаевна! Учиться хочется!

– Вот и прекрасно!

– А я, Ольга Николаевна, так отдыхал, что даже устал! Если б ещё немного – совсем бы из сил выбился, – сказал Алик Сорокин.

– А ты, Алик, я вижу, совсем не переменялся. Такой же шутник, как и в прошлом году был.

– Такой же, Ольга Николаевна, только подрос немного.

– Ну, подрос-то ты порядочно, – усмехнулась Ольга Николаевна.

– Только ума не набрался, – добавил Юра Касаткин.

Весь класс громко фыркнул.

– Ольга Николаевна, Федя Рыбкин не будет больше у нас учиться, – сказал Дима Балакирев.

– Я знаю. Он уехал со своими родителями в Москву.

– Ольга Николаевна, а Глеб в Крыму был и море видел.

– Вот и хорошо. Когда будем сочинение писать, Глеб напишет про море.

– Ольга Николаевна, а с него сошла кожа.

– С кого?

– С Глебки.

– А, ну хорошо, хорошо. Об этом поговорим после, а сейчас постройтесь в линейку, скоро в класс идти надо.

Мы построились в линейку. Все остальные классы тоже построились. На крыльце школы появился директор Игорь Александрович. Он поздравил нас с началом нового учебного года и пожелал всем ученикам в этом новом учебном году хороших успехов. Потом классные руководители стали разводить учеников по классам. Сначала пошли самые маленькие ученики – первоклассники, за ними второй класс, потом третий, а потом уж мы, а за нами пошли старшие классы.

Ольга Николаевна привела нас в класс. Все ребята решили сесть, как в прошлом году, поэтому я оказался за партой один, у меня не было пары. Всем казалось, что в этом году нам достался маленький класс, гораздо меньше, чем в прошлом году.

– Класс такой же, как и в прошлом году, точно таких же размеров, – объяснила Ольга Николаевна. – Все вы за лето выросли, вот вам и кажется, что класс меньше.

Это была правда. Я потом нарочно на переменке пошёл посмотреть на третий класс. Он был точно такой же, как и четвёртый.

На первом уроке Ольга Николаевна сказала, что в четвёртом классе нам придётся работать гораздо больше, чем раньше, так как у нас будет много предметов. Кроме русского языка, арифметики и других предметов, которые были у нас в прошлом году, теперь прибавляются ещё география, история и естествознание. Поэтому надо браться за учёбу как следует с самого начала года. Мы записали расписание уроков. Потом Ольга Николаевна сказала, что надо выбрать старосту класса и его помощника.

– Глеба Скамейкина старостой! Глеба Скамейкина! – закричали ребята.

– Тише! Шуму-то сколько! Разве вы не знаете, как выбирать? Кто хочет сказать, должен поднять руку.

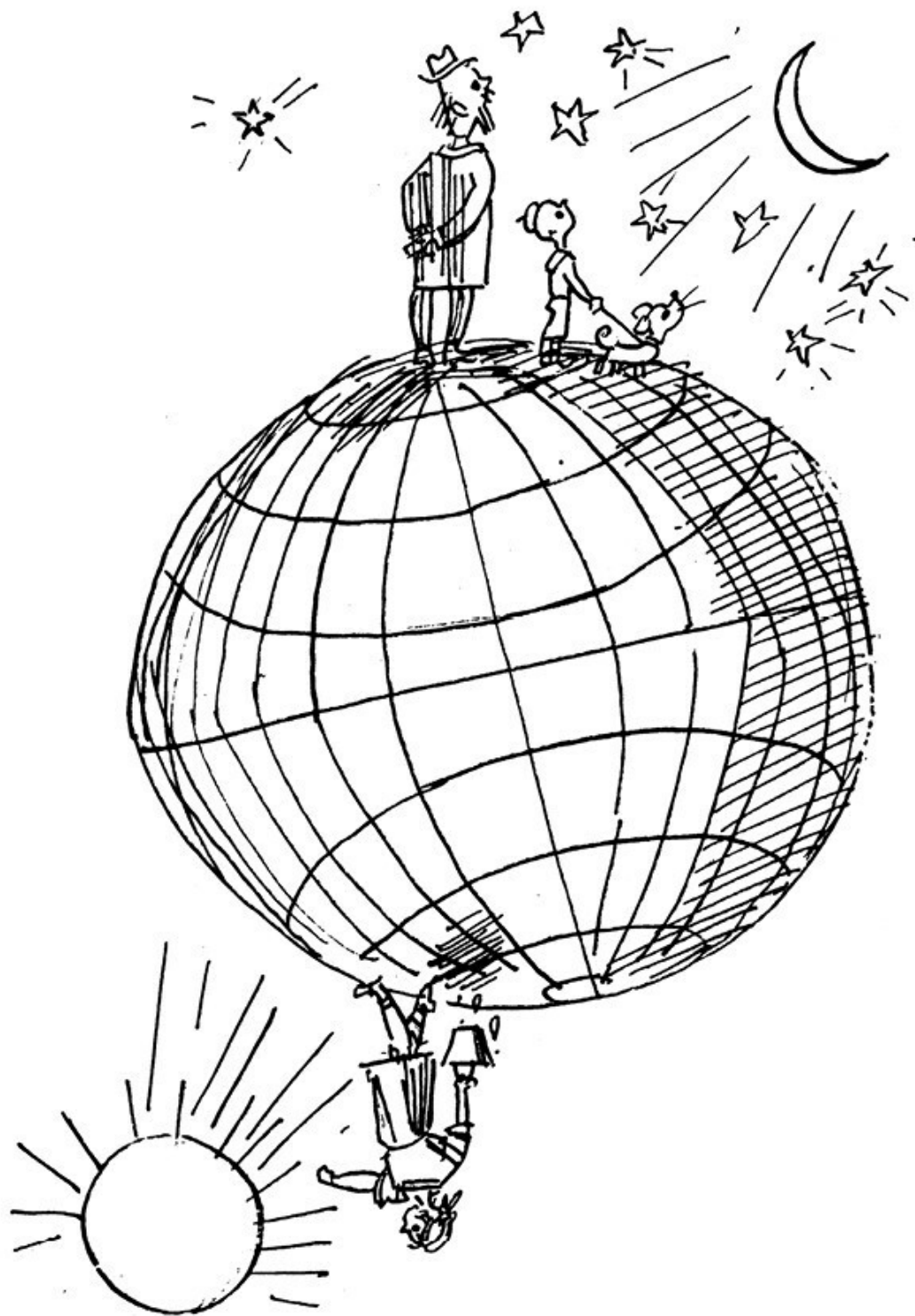
Мы стали выбирать организованно и выбрали старостой Глеба Скамейкина, а помощником – Шуру Маликова.

На втором уроке Ольга Николаевна сказала, что вначале мы будем повторять то, что проходили в прошлом году, и она будет проверять, кто что забыл за лето. Она тут же начала проверку, и вот оказалось, что я даже таблицу умножения забыл. То есть не всю, конечно, а только с конца. До семью семь – сорок девять я хорошо помнил, а дальше путался.

– Эх, Малеев, Малеев! – сказала Ольга Николаевна. – Вот и видно, что ты за лето даже в руки книжку не брал!

Это моя фамилия Малеев. Ольга Николаевна, когда сердится, всегда меня по фамилии называет, а когда не сердится, то зовёт просто Витя.

Я заметил, что в начале года учиться почему-то всегда трудней. Уроки кажутся длинными, будто их кто-то нарочно растягивает. Если б я был главным начальником над школами, я бы сделал как-нибудь так, чтоб занятия начинались не сразу, а постепенно, чтоб ребята понемногу отвыкали гулять и понемногу привыкали к урокам. Например, можно было бы сделать так, чтоб в первую неделю было только по одному уроку, во вторую неделю – по два урока, в третью – по три, и так далее. Или ещё можно было бы сделать так, чтоб в первую неделю были одни только лёгкие уроки, например физкультура, во вторую неделю к физкультуре можно добавить пение, в третью неделю можно добавить русский язык, и так, пока не дойдёт до арифметики. Может быть, кто-нибудь подумает, что я ленивый и вообще не люблю учиться, но это неправда. Я очень люблю учиться, но мне трудно начать работать сразу: то гулял, гулял, а тут вдруг стоп, машина, – давай учись.

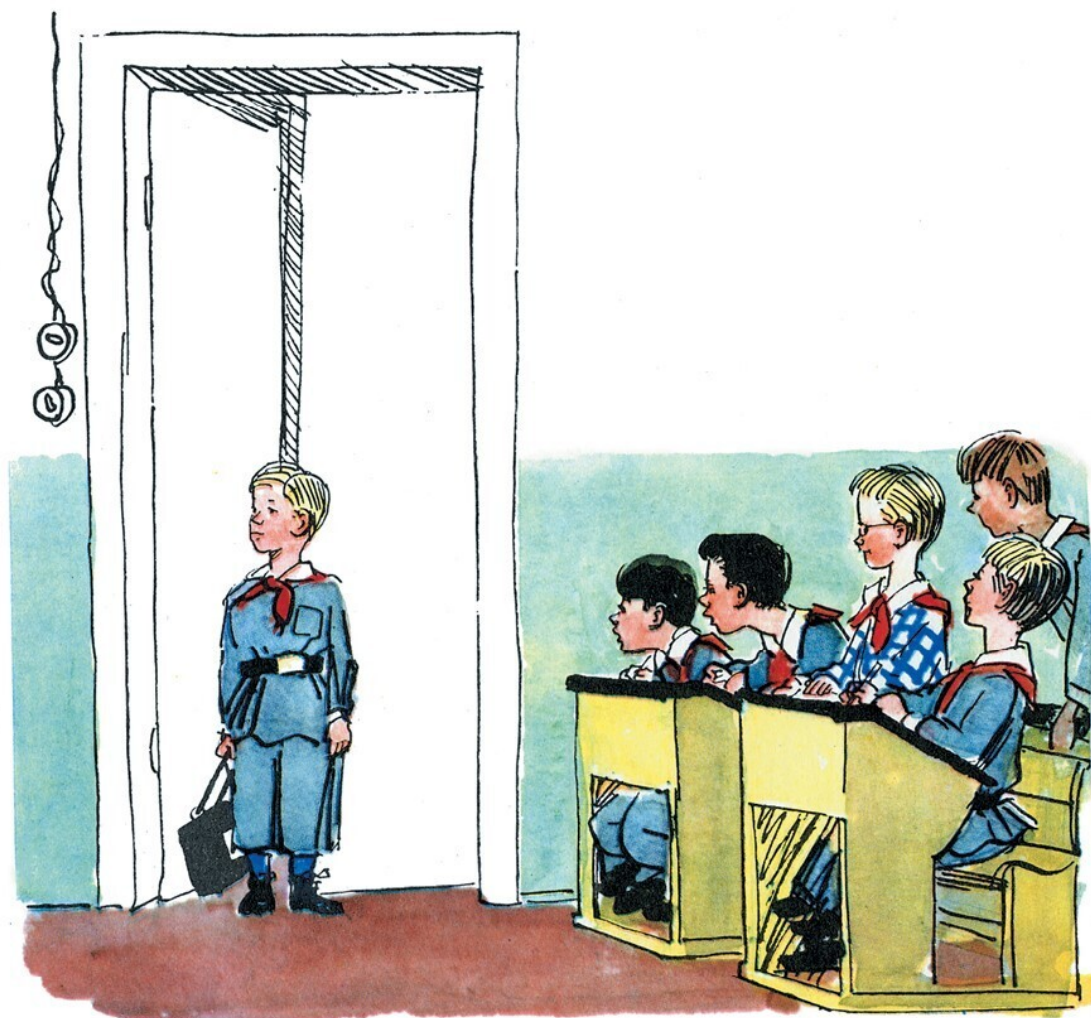

На третьем уроке у нас была география. Я думал, что география – это какой-нибудь очень трудный предмет, вроде арифметики, но оказалось, что она совсем лёгкая. География – это наука о Земле, на которой мы все живём; про то, какие на Земле горы и реки, какие моря и океаны. Раньше я думал, что Земля наша плоская, как будто блин, но Ольга Николаевна сказала, что Земля вовсе не плоская, а круглая, как шар. Я уже и раньше слышал об этом, но думал, что это, может быть, сказки или какие-нибудь выдумки. Но теперь уже точно известно, что это не сказки. Наука установила, что Земля наша – это огромный-преогромнейший шар, а на

этом шаре вокруг живут люди. Оказывается, что Земля притягивает к себе всех людей и зверей и всё, что на ней находится, поэтому люди, которые живут внизу, никуда не падают. И вот ещё что интересно: те люди, которые живут внизу, ходят вверх ногами, то есть вниз головой, только они сами этого не замечают и воображают, что ходят правильно. Если они опустят голову вниз и посмотрят себе под ноги, то увидят землю, на которой стоят, а если задерут голову кверху, то увидят над собой небо. Вот поэтому им и кажется, что они ходят правильно.

На географии мы немножечко развеселились, а на последнем уроке случилось интересное происшествие. Уже прозвонил звонок и в класс пришла Ольга Николаевна, как вдруг отворилась дверь и на пороге появился совсем незнакомый ученик. Он постоял нерешительно возле двери, потом поклонился Ольге Николаевне и сказал:

- Здравствуйте!
- Здравствуй, – ответила Ольга Николаевна. – Что ты хочешь сказать?
- Ничего.
- Зачем же ты пришёл, если ничего не хочешь сказать?
- Так просто.
- Что-то я не пойму тебя.
- Я учиться пришёл. Здесь ведь четвёртый класс?
- Здесь.
- Вот мне и надо в четвёртый.
- Так ты новичок, должно быть?

– Новичок.

Ольга Николаевна заглянула в журнал:

– Твоя фамилия Шишкин?

– Шишкин, а зовут Костя.

– Почему же ты, Костя Шишкин, так поздно пришёл? Разве ты не знаешь, что в школу надо с утра являться?

– Я и явился с утра. Я только на первый урок опоздал.

– На первый урок? А теперь уже четвёртый. Где же ты пропадал два урока?

– Я был там... в пятом классе.

– Чего же ты в пятый класс попал?

– Я пришёл в школу, слышу – звонок, ребята бегут гурьбой в класс... Ну, и я за ними, вот и попал в пятый класс. На перемене ребята спрашивают: «Ты новичок?» Я говорю: «Новичок». Они ничего не сказали мне, и я только на следующем уроке разобрался, что не в свой класс попал. Вот.

– Вот садись на место и не попадай больше в чужой класс, – сказала Ольга Николаевна.

Шишкин подошёл к моей парте и сел рядом со мной, потому что я сидел один и место было свободно.

Весь урок ребята оглядывались на него и потихоньку посмеивались. Но Шишкин не обращал на это внимания и делал вид, будто с ним ничего смешного не произошло. Нижняя губа у него немного выпячивалась вперёд, а нос как-то сам собой задирался кверху. От этого у него получался какой-то презрительный вид, будто он чем-то гордился.

После уроков ребята обступили его со всех сторон.

– Как же ты попал в пятый класс? Неужели учительница не проверяла ребят? – спросил Слава Ведёрников.

– Может быть, и проверяла на первом уроке, а я ведь пришёл на второй урок.

– Почему же она не заметила, что на втором уроке появился новый ученик?

– А на втором уроке уже другой учитель был, – ответил Шишкин. – Вот и получилась путаница. В школе в первый день всегда получается путаница.

– Это только с тобой получилась путаница, а вообще никакой путаницы не бывает, – сказал Глеб Скамейкин. – Каждый должен знать, в какой ему класс надо.

– А если я новичок? – говорит Шишкин.

– Новичок, так не надо опаздывать. И потом, разве у тебя языка нету? Мог спросить.

– Когда же спрашивать? Вижу – ребята бегут, ну и я за ними.

– Ты так и в десятый класс мог попасть!

– Нет, в десятый я не попал бы. Это я сразу бы догадался: там ребята большие, – улыбнулся Шишкин.

Я взял свои книжки и пошёл домой. В коридоре меня встретила Ольга Николаевна.

– Ну, Витя, как ты думаешь учиться в этом году? – спросила она. – Пора тебе, дружок, браться за дело как следует. Тебе нужно приналечь на арифметику, она у тебя с прошлого года хромает. А таблицы умножения стыдно не знать. Ведь её во втором классе проходят.

– Да я ведь знаю, Ольга Николаевна. Я только с конца немножко забыл!

– Таблицу всю от начала до конца надо хорошо знать. Без этого нельзя в четвёртом классе учиться. К завтрашнему дню выучи, я проверю.

Глава вторая

Все девчонки воображают, что они очень умные. Не знаю, отчего у них такое большое воображение! Моя младшая сестра Лика перешла в третий класс и теперь думает, что меня можно совсем не слушаться, будто я ей вовсе не старший брат и у меня нет никакого авторитета. Сколько раз я говорил ей, чтоб она не садилась за уроки сразу, как только придёт из школы. Это ведь очень вредно! Пока учишься в школе, мозг в голове устаёт, и ему надо сначала дать отдохнуть часа два, полтора, а потом уже можно садиться за уроки. Но Лике хоть говори, хоть нет, она ничего слушать не хочет.

Вот и теперь: пришёл я домой, а она тоже уже вернулась из школы, разложила на столе книжки и занимается.

Я говорю:

– Что же ты, голубушка, делаешь? Разве ты не знаешь, что после школы надо мозгу давать отдых?

– Это, – говорит, – я знаю, только мне так удобней. Я сделаю уроки сразу, а потом свободна: хочу – гуляю, хочу – что хочу делаю.

– Экая, – говорю, – ты бестолковая! Мало я тебе в прошлом году твердил! Что я могу сделать, если ты своего старшего брата не хочешь слушать? Вот вырастет из тебя тупица, тогда узнаешь!

– А что я могу сделать? – сказала она. – Я ни минуточки не могу посидеть спокойно, пока дела не сделаю.

– Будто потом нельзя сделать! – ответил я. – Выдержку надо иметь.

– Нет, уж лучше я сначала сделаю и буду спокойна. Ведь уроки у нас лёгкие. Не то что у вас, в четвёртом классе.

– Да, – говорю, – у нас не то что у вас. Вот перейдёшь в четвёртый класс, тогда узнаешь, где раки зимуют.

– А что тебе сегодня задано? – спросила она.

– Это не твоего ума дело, – ответил я. – Ты всё равно ничего не поймёшь, так что и рассказывать не стоит.

Не мог же я сказать ей, что мне задано повторять таблицу умножения! Её ведь во втором классе проходят.

Я решил с самого начала взяться за учёбу как следует и сразу засел повторять таблицу умножения. Конечно, я повторял её про себя, чтоб Лика не слышала, но она скоро окончила свои уроки и убежала играть с подругами. Тогда я принялся учить таблицу как следует, вслух, и выучил её так, что меня хоть разбуди ночью и спроси, сколько будет семью семь или восемью девять, я без запинки отвечу.

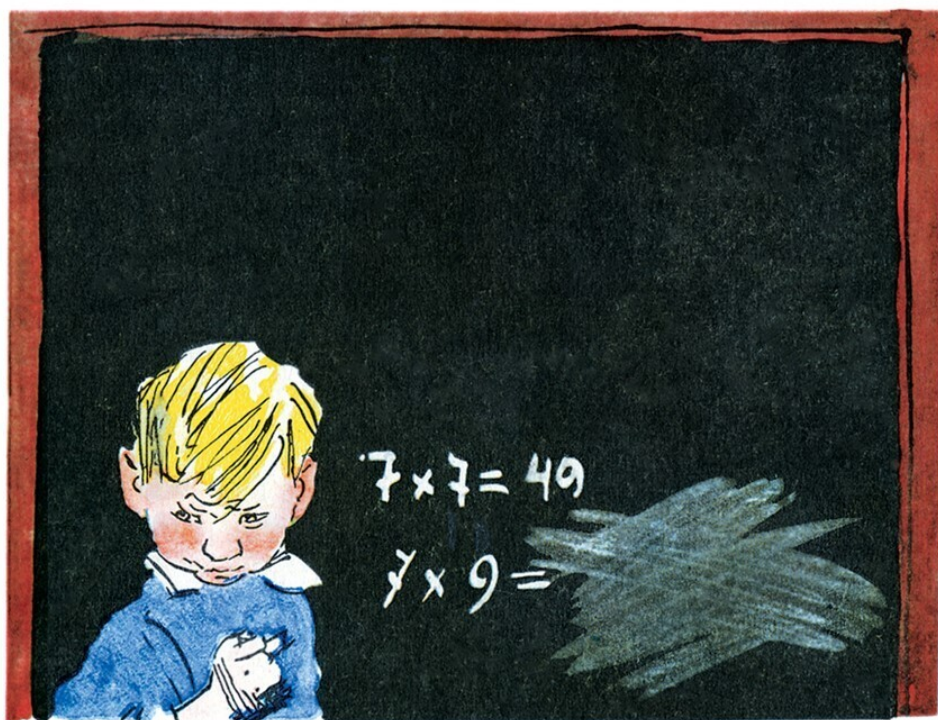
Зато на другой день Ольга Николаевна вызвала меня и проверила, как я выучил таблицу умножения.

– Вот видишь, – сказала она, – когда ты хочешь, то можешь учиться как следует! Я ведь знаю, что у тебя способности есть.

Всё было бы хорошо, если б Ольга Николаевна спросила меня только таблицу, но ей ещё захотелось, чтоб я задачу на доске решил. Этим она, конечно, всё дело испортила.

Я вышел к доске, и Ольга Николаевна продиктовала задачу про каких-то плотников, которые строили дом. Я записал условие задачи на доске мелом и стал думать. Но это, конечно, только так говорится, что я стал думать. Задача попалась такая трудная, что я всё равно не решил бы её. Я только нарочно наморщил лоб, чтоб Ольга Николаевна видела, будто я думаю, а сам стал украдкой поглядывать на ребят, чтоб они подсказали мне. Но подсказывать тому, кто стоит у доски, очень трудно, и все ребята молчали.

– Ну, как ты станешь решать задачу? – спросила Ольга Николаевна. – Какой будет первый вопрос?

Я только сильнее наморщил лоб и, повернувшись вполоборота к ребятам, изо всех сил заморгал одним глазом. Ребята сообразили, что моё дело плохо, и стали подсказывать.

– Тише, ребята, не подсказывайте! Я сама помогу ему, если надо, – сказала Ольга Николаевна.

Она стала объяснять мне задачу и сказала, как сделать первый вопрос. Я хотя ничего не понял, но всё-таки решил на доске первый вопрос.

– Правильно, – сказала Ольга Николаевна. – Теперь какой будет второй вопрос?

Я снова задумался и замигал глазом ребятам. Ребята опять стали подсказывать.

– Тише, тише! Мне ведь всё слышно, а вы только ему мешаете! – сказала Ольга Николаевна и принялась объяснять мне второй вопрос.

Таким образом, постепенно, с помощью Ольги Николаевны и с подсказкой ребят, я решил наконец задачу.

– Теперь ты понял, как нужно решать такие задачи? – спросила Ольга Николаевна.

– Понял, – ответил я.

На самом деле я, конечно, совсем ничего не понял, но мне стыдно было признаться, что я такой бестолковый, к тому же я боялся, что Ольга Николаевна поставит мне плохую отметку, если я скажу, что не понял. Я сел на место, списал задачу в тетрадь и решил ещё дома подумать над ней как следует.

После урока говорю ребятам:

– Что же вы подсказываете так, что Ольга Николаевна всё слышит? Орут на весь класс! Разве так подсказывают?

– Как же тут подскажешь, когда ты возле доски стоишь! – говорит Вася Ерохин. – Вот если б тебя с места вызвали...

– «С места, с места»! Потихоньку надо.

– Я и подсказывал тебе сначала потихоньку, а ты стоишь и ничего не слышишь.

– Так ты, наверно, себе под нос шептал, – говорю я.

– Ну вот! Тебе и громко нехорошо, и тихо нехорошо! Не разберёшь, как тебе надо!

– Совсем никак не надо, – сказал Ваня Пахомов. – Самому надо соображать, а не слушать подсказку.

– Зачем же мне свою голову утруждать, если я всё равно ничего в этих задачах не понимаю? – говорю я.

– Оттого и не понимаешь, что не хочешь соображать, – сказал Глеб Скамейкин. – Надеешься на подсказку, а сам не учишься. Я лично никому больше подсказывать не буду. Надо, чтоб был порядок в классе, а от этого один вред.

– Найдутся и без тебя, подскажут, – говорю я.

– А я всё равно буду бороться с подсказкой, – говорит Глеб.

– Ну, не больно-то задавайся! – ответил я.

– Почему «задавайся»? Я староста класса! Я добьюсь, чтоб подсказки не было.

– И нечего, – говорю, – воображать, если тебя старостой выбрали! Сегодня ты староста, а завтра я староста.

– Ну вот когда тебя выберут, а пока ещё не выбрали.

Тут и другие ребята вмешались и стали спорить, нужно подсказывать или нет. Но мы так ни до чего и не доспорились. Прибежал Дима Балакирев. Он узнал, что летом на пустыре позади школы старшие ребята устроили футбольное поле. Мы решили прийти после обеда и сыграть в футбол. После обеда мы собрались на футбольном поле, разбились на две команды, чтоб играть по всем правилам, но тут в нашей команде произошёл спор, кому быть вратарём. Никто не хотел стоять в воротах. Каждому хотелось бегать по всему полю и забивать голы. Все говорили, чтоб вратарём был я, но мне хотелось быть центром нападения или хотя бы полузащитником. На моё счастье, Шишкин согласился сделаться вратарём. Он сбросил с себя куртку, стал в воротах, и игра началась.

Сначала перевес оказался на стороне противников. Они всё время атаковали наши ворота. Вся наша команда смешалась в кучу. Мы без толку носились по полю и только мешали друг другу. На наше счастье, Шишкин оказался замечательным вратарём. Он прыгал, как кошка или какая-нибудь пантера, и не пропустил в наши ворота ни одного мяча. Наконец нам удалось завладеть мячом, и мы погнали его к воротам противника. Кто-то из наших пробил по воротам, и счёт оказался 1:0 в нашу пользу. Мы обрадовались и с новыми силами начали нажимать на вражеские ворота. Скоро нам удалось забить ещё гол, и счёт оказался 2:0 в нашу пользу. Тут игра почему-то снова перешла на нашу половину поля. Нас опять стали теснить, и мы никак не могли отогнать мяч от наших ворот. Тогда Шишкин схватил мяч руками и помчался с ним прямо к воротам противника. Там он положил мяч на землю и уже хотел забить гол, но тут Игорь Грачёв ловко отыграл у него мяч, передал его Славе Ведёрникову, Слава Ведёрников – Ване Пахомову, и не успели мы оглянуться, как мяч уже был в наших воротах. Счёт стал 2:1. Шишкин со всех ног побежал на своё место, но, пока он бежал, нам снова забили гол, и счёт стал 2:2. Мы принялись ругать на все лады Шишкина за то, что он оставил свои ворота, а он оправдывался и говорил, что теперь будет играть по всем правилам. Но из этих обещаний ничего не вышло. Он то и дело выскакивал из ворот, и как раз в это время нам забивали голы. Игра продолжалась до позднего вечера. Мы забили шестнадцать голов, а нам забили двадцать один. Нам хотелось ещё поиграть, но темнота наступила такая, что мяча не стало видно, и пришлось разойтись по домам. По дороге все только и говорили, что мы проиграли из-за Шишкина, потому что он всё время выскакивал из ворот.

– Ты, Шишкин, замечательный вратарь, – сказал Юра Касаткин. – Если бы ты исправно стоял в воротах, наша команда была бы непобедимой.

– Не могу я стоять спокойно, – ответил Шишкин. – Я люблю играть в баскетбол, потому что там можно каждому бегать по всему полю и никакого вратаря не полагается и к тому же все могут хватать мяч руками. Вот давайте организуем баскетбольную команду.

Шишкин начал рассказывать о том, как нужно играть в баскетбол, и, по его словам, эта игра была не хуже футбола.

– Надо поговорить с нашим преподавателем физкультуры, – сказал Юра. – Может быть, он поможет нам оборудовать площадку для баскетбола.

Когда мы подошли к скверу, где нужно было поворачивать на нашу улицу, Шишкин вдруг остановился и закричал:

– Батюшки! Я ведь свою куртку на футбольном поле забыл!

Он повернулся и бросился бегом назад. Удивительный это был человек! Вечно с ним случались какие-нибудь недоразумения. Бывают же такие люди на свете!

Домой я вернулся в девятом часу. Мама стала бранить меня за то, что я задержался так поздно, но я сказал, что ещё не поздно, потому что теперь уже осень, а осенью всегда темнеет раньше, чем летом, и если бы это было летом, то никому не показалось бы, что уже поздно, потому что летом дни гораздо длиннее, и в это время было бы ещё светло и всем казалось бы, что ещё рано.

Мама сказала, что у меня вечно какие-нибудь отговорки, и велела делать уроки. Я, конечно, засел за уроки. То есть я засел за уроки не сразу, так как я очень устал на футболе и мне хотелось немножечко отдохнуть.

– Чего же ты не делаешь уроки? – спросила Лика. – Ведь твой мозг, наверно, давно отдохнул.

– Я сам знаю, сколько нужно моему мозгу отдыхать! – ответил я.

Теперь я уже не мог тут же сесть за уроки, чтоб Лика не вообразила, будто это она меня заставила заниматься. Поэтому я решил ещё немножечко отдохнуть и стал рассказывать

про Шишкина, какой он растяпа и как он забыл на футбольном поле свою куртку. Скоро пришёл с работы папа и стал рассказывать, что их завод получил заказ на изготовление новых машин для Куйбышевского гидроузла, и я снова не мог делать уроки, потому что мне интересно было послушать.

Мой папа работает на сталелитейном заводе модельщиком. Он делает модели. Что такое модель, наверное, никто не знает, а я знаю. Чтоб отлить какую-нибудь деталь для машины из стали, всегда нужно сделать сначала такую же деталь из дерева, и вот такая деревянная деталь называется моделью. Для чего нужна модель? А вот для чего: модель возьмут, поставят в опоку, то есть в такой вроде железный ящик, только без дна, потом насыплют в опоку земли, и, когда модель вынут, в земле получается углубление по форме модели. В это углубление заливают расплавленный металл, и когда металл застынет, то получится деталь, точно такая же по форме, как была модель. Когда на завод приходит заказ на новые детали, инженеры чертят чертежи, а модельщики делают по этим чертежам модели. Конечно, модельщик должен быть очень умным, потому что он по простому чертежу обязан понять, какую нужно делать модель, а если он сделает модель плохо, то по ней нельзя будет отливать детали. Мой папа очень хороший модельщик. Он даже придумал электрический лобзик, чтобы выпиливать из дерева разные мелкие части. А теперь он изобретает новый усовершенствованный прибор для шлифовки деревянных моделей. Раньше на шлифовку тратили много времени, а когда папа сделает свой прибор, шлифовать будут гораздо быстрее. Когда папа приходит с работы, он всегда сначала отдохнёт немного, а потом садится за чертежи для своего прибора или читает книжки, чтоб узнать, как что нужно сделать, потому что это не такая простая вещь – самому придумывать шлифовальный прибор.

Папа поужинал и засел за свои чертежи, а я засел делать уроки.

Сначала я выучил географию, потому что она самая лёгкая. После географии я взялся за русский язык. По русскому языку нужно было списать упражнение и подчеркнуть в словах корень, приставку и окончание. Корень – одной чертой, приставку – двумя, а окончание – тремя. Потом я выучил английский язык и взялся за арифметику. На дом была задана такая скверная задача, что я никак не мог догадаться, как её решить. Я сидел целый час, пялил глаза в задачник и изо всех сил напрягал мозг, но ничего у меня не выходило. Вдобавок мне страшно захотелось спать. В глазах у меня щипало, будто мне кто-нибудь в них песку насыпал.

– Довольно тебе сидеть, – сказала мама, – пора спать ложиться. У тебя глаза уже сами собой закрываются, а ты всё сидишь!

– Что же я, с несделанной задачей завтра в школу приду? – сказал я.

– Днём надо заниматься, – ответила мама. – Нечего приучаться по ночам сидеть! От таких занятий никакого толку не будет. Ты всё равно уже ничего не соображаешь.

– Вот и пусть сидит, – сказал папа. – Будет знать в другой раз, как уроки на ночь откладывать.

И вот я сидел и перечитывал задачу до тех пор, пока буквы в задачнике не стали кивать, и кланяться, и прятаться друг за дружку, словно играли в жмурки. Я протёр глаза, снова стал перечитывать задачу, но буквы не успокоились, а даже почему-то стали подпрыгивать, будто затеяли игру в чехарду.

– Ну что там у тебя не получается? – спросила мама.

– Да вот, – говорю, – задача попалась какая-то скверная.

– Скверных задач не бывает. Это ученики бывают скверные.

Мама прочитала задачу и принялась объяснять, но я почему-то ничего не мог понять.

– Неужели вам в школе не объясняли, как делать такие задачи? – спросил папа.

– Нет, – говорю, – не объясняли.

– Удивительно! Когда я учился, нам учительница всегда объясняла сначала в классе, а потом задавала на дом.

– Так то, – говорю, – когда ты учился, а нам Ольга Николаевна ничего не объясняет. Всё только спрашивает и спрашивает.

– Не понимаю, как это вас учат!

– Вот так, – говорю, – и учат.

– А что вам рассказывала Ольга Николаевна в классе?

– Ничего не рассказывала. Мы решали на доске задачу.

– Ну-ка покажи, какую задачу.

Я показал задачу, которую списал в тетрадь.

– Ну вот, а ты тут ещё на учительницу наговариваешь! – воскликнул папа. – Это ведь такая же задача, как на дом задана! Значит, учительница объясняла, как решать такие задачи.

– Где же, – говорю, – такая? Там про плотников, которые строили дом, а здесь про каких-то жестянщиков, которые делали вёдра.

– Эх ты! – говорит папа. – В той задаче нужно было узнать, во сколько дней двадцать пять плотников построят восемь домов, а в этой нужно узнать, во сколько шесть жестянщиков сделают тридцать шесть вёдер. Обе задачи решаются одинаково.

Папа принялся объяснять, как нужно сделать задачу, но у меня уже всё в голове спуталось, и я совсем ничего не понимал.

– Экий ты бестолковый! – рассердился наконец папа. – Ну разве можно таким бестолковым быть!

Мой папа совсем не умеет объяснять задачи. Мама говорит, что у него нет никаких педагогических способностей, то есть он не годится в учителя. Первые полчаса он объясняет спокойно, а потом начинает нервничать, а как только он начинает нервничать, я совсем перестаю соображать и сижу на стуле, как деревянный чурбан.

– Ну что же тут непонятного? – говорит папа. – Кажется, всё понятно.

Когда папа видит, что на словах никак не может объяснить, он берёт лист бумаги и начинает писать.

– Вот, – сказал он. – Ведь это всё просто. Смотри, какой будет первый вопрос.

Он записал вопрос на бумажке и сделал решение.

– Это понятно тебе?

По правде сказать, мне совсем ничего не было понятно, но я до смерти уже хотел спать и поэтому сказал:

– Понятно.

– Ну вот, наконец-то! – обрадовался папа. – Думать надо как следует, тогда всё будет понятно.

Он решил на бумажке второй вопрос:

– Понятно?

– Понятно, – говорю я.

– Ты скажи, если непонятно, я ещё объясню.

– Нет, понятно, понятно.

Наконец он сделал последний вопрос. Я списал задачу начисто в тетрадку и спрятал в сумку.

– Кончил дело – гуляй смело, – сказала Лика.

– Ладно, я с тобой завтра поговорю! – проворчал я и пошёл спать.

Глава третья

За лето нашу школу отремонтировали. Стены в классах заново побелили, и были они такие чистенькие, свежие, без единого пятнышка, просто любо посмотреть. Всё было как новенькое. Приятно всё-таки заниматься в таком классе! И светлей кажется, и привольней, и даже, как бы это сказать, на душе веселей.

И вот на следующий день, когда я пришёл в класс, то увидел, что на стене рядом с доской нарисован углём морячок. Он был в полосатой тельняшке, брюки клёш развевались по ветру, на голове – бескозырка, во рту – трубка, и дым из неё кольцами поднимался кверху, как из паровой трубы. У морячка был такой залихватский вид, что на него нельзя было без смеха смотреть.

– Это Игорь Грачёв нарисовал, – сообщил мне Вася Ерохин. – Только, чур, не выдавать!

– Зачем же мне выдавать? – говорю я.

Ребята сидели за партами, любовались морячком, посмеивались и отпускали разные шуточки:

– Морячок с нами будет учиться! Вот здорово!

Перед самым звонком прибежал в класс Шишкин.

– Видел морячка? – говорю я и показываю на стену.

Он взглянул на него.

– Это Игорь Грачёв нарисовал, – сказал я. – Только не выдавать.

– Ну ладно, сам знаю! Ты по русскому упражнение сделал?

– Конечно, сделал, – ответил я. – Что же я, с несделанными уроками буду в класс приходить?

– А я, понимаешь, не сделал. Не сумел, понимаешь. Дай списать.

– Когда же ты будешь списывать? – говорю я. – Скоро урок начнётся.

– Ничего. Я во время урока спишу.

Я дал ему тетрадку по русскому языку, и он начал списывать.

– Послушай, – говорит он. – А зачем ты в слове «светлячок» приставку одной чертой подчеркнул? Корень одной чертой надо подчёркивать.

– Много ты понимаешь! – говорю я. – Это и есть корень!

– Что ты! «Свет» – корень? Разве корень бывает впереди слова? Где тогда, по-твоему, приставка?

– А приставки нет в этом слове.

– Разве так бывает, чтобы приставки не было?

– Конечно, бывает.

– То-то я ломал вчера голову: приставка есть, корень есть, а окончания не получается.

– Эх ты! – говорю я. – Мы ведь это ещё в третьем классе проходили.

– Да я уж не помню. Значит, у тебя тут всё правильно? Я так и спишу.

Я хотел рассказать ему, что такое корень, приставка и окончание, но тут прозвенел звонок и в класс вошла Ольга Николаевна. Она сразу увидела на стене морячка, и лицо у неё сделалось строгое.

– Это что ещё за художества? – спросила она и обвела весь класс взглядом. – Кто это нарисовал на стене?

Все ребята молчали.

– Тот, кто испортил стену, должен встать и признаться, – сказала Ольга Николаевна.

Все сидели молча. Никто не вставал и не признавался. Брови у Ольги Николаевны нахмурились.

– Разве вы не знаете, что класс надо в чистоте держать? Что будет, если каждый станет рисовать на стенах? Самим ведь неприятно в грязи сидеть. Или вам, может, приятно?

– Нет, нет! – раздалось несколько нерешительных голосов.

– Кто же это сделал?

Все молчали.

– Глеб Скамейкин, ты староста класса и должен знать, кто это сделал.

– Я не знаю, Ольга Николаевна. Когда я пришёл, морячок уже был на стене.

– Удивительно! – сказала Ольга Николаевна. – Кто-нибудь да нарисовал же его. Вчера стена была чистая, я последней уходила из класса. Кто сегодня пришёл в класс первым?

Никто из ребят не признавался. Каждый говорил, что он пришёл, когда в классе было уже много ребят.

Пока шёл разговор об этом, Шишкин старательно списывал упражнение в свою тетрадь. Кончил он тем, что посадил в моей тетради кляксу и отдал тетрадь мне.

– Что же это такое? – говорю я. – Брал тетрадь без кляксы, а отдаёшь с кляксой!

- Я ведь не нарочно посадил кляксу, – говорит Костя.
- Какое мне дело, нарочно или не нарочно! Зачем мне в тетради клякса?
- Как же я отдам тебе тетрадь без кляксы, когда уже есть клякса? В другой раз будет без кляксы.
- В какой, – говорю, – другой раз?
- Ну, в другой раз, когда буду списывать.
- Так ты что, – говорю, – каждый раз у меня собираешься списывать?

– Зачем каждый раз? Иногда только.

На этом разговор кончился, потому что как раз в это время Ольга Николаевна вызвала Шишкина к доске и велела решать задачу про маляров, которые красили в школе стены, и нужно было узнать, сколько школа израсходовала денег на окраску всех классов и коридоров.

«Ну, – думаю, – пропал бедный Шишкин! На доске задачу решать – это тебе не с чужой тетрадки списывать!»

К моему удивлению, Шишкин с задачей справился. Правда, решал он её долго, до конца урока, потому что задача была длинная и довольно трудная.

Мы все, конечно, догадались, что Ольга Николаевна нарочно задала нам такую задачу, и чувствовали, что на этом дело не кончится. На последнем уроке к нам в класс пришёл директор школы Игорь Александрович. С виду Игорь Александрович совсем не сердитый. Лицо у него всегда спокойное, голос тихий и даже какой-то добрый, но я лично всегда побаиваюсь Игоря Александровича, потому что он очень большой. Ростом он с моего папу, только ещё повыше, пиджак у него широкий, просторный, застёгивается на три пуговицы, а на носу очки.

Я думал, что Игорь Александрович раскричится на нас, но он спокойно рассказал нам, сколько государство тратит денег на обучение каждого ученика и как важно хорошо учиться и беречь школьное имущество и саму школу. Он сказал, что тот, кто портит школьное имущество и стены, наносит ущерб народу, потому что все средства на школы даёт народ. Под конец Игорь Александрович сказал:

– Тот, кто нарисовал на стенке, наверно, не хотел нанести ущерб школе. Если он чисто-сердечно признается, то докажет, что он человек честный и сделал это не подумавши.

На меня очень подействовало всё, что сказал Игорь Александрович, и я думал, что Игорь Грачёв тут же встанет и признается, что это сделал он, но Игорю, видно, вовсе не хотелось доказывать, что он честный человек, и он молча сидел за своей партой. Тогда Игорь Александрович сказал, что тому, кто разрисовал стену, наверно, стыдно признаться сейчас, но пусть он подумает над своим поступком, а потом наберётся смелости и придёт к нему в кабинет.

После уроков председатель совета нашего пионеротряда Толя Дёжкин подошёл к Грачёву и сказал:

– Эх ты! Кто тебя просил стену портить? Видишь, что вышло!

Игорь развёл руками:

– Да я что? Я разве хотел?

– Зачем же нарисовал?

– Сам не знаю. Взял и нарисовал не подумавши.

– «Не подумавши»! Из-за тебя пятно на всём классе.

– Почему на всём классе?

– Потому что на каждого могут подумать.

– А может, это кто-нибудь из другого класса к нам забежал и нарисовал.

– Смотри, чтоб этого больше не было, – сказал Толя.

– Ладно, ребята, я больше не буду, я ведь так только – хотел попробовать, – оправдывался Игорь.

Он взял тряпку и принялся стирать морячка, но от этого получилось только хуже. Морячок всё-таки был виден, а вокруг него образовалось большущее грязное пятно. Тогда ребята отняли у Игоря тряпку и не позволили больше размазывать грязь по стене.

После школы мы снова пошли играть в футбол и играли опять до темноты, а когда пошли домой, Шишкин затащил меня к себе. Оказалось, что он живёт на той же улице, что и я, в небольшом деревянном двухэтажном домике, совсем недалеко от нас. На нашей улице все дома большие, четырёхэтажные и пятиэтажные, как наш. Я давно уже думал: что это за люди, которые живут в таком маленьком деревянном доме? А вот теперь оказывается, здесь жил как раз Шишкин. Мне не хотелось идти к нему, потому что уже было поздно, но он сказал:

– Понимаешь, меня дома станут ругать за то, что я так долго играл, а если ты придёшь, меня не так будут ругать.

– Меня ведь тоже будут ругать, – говорю я.

– Ничего. Если хочешь, зайдём сначала ко мне, а потом вместе зайдём к тебе, вот и тебя не будут ругать, и меня тоже.

– Ну хорошо, – согласился я.

Мы вошли в парадное, поднялись по скрипучей деревянной лестнице с щербатыми перилами, и Шишкин постучал в дверь, обитую чёрной клеёнкой, из-под которой в некоторых местах виднелись клочья рыжего войлока.

– Что же это такое, Костя! Где ты пропадаешь так поздно? – спросила его мать, открывая нам дверь.

– Вот познакомься, мама, это мой школьный товарищ, Малеев. Мы с ним за одной партой сидим.

– Ну заходите, заходите, – сказала мать уже не таким строгим голосом.

Мы вошли в коридор.

– Батюшки! Где же вы извозились так? Вы только на себя посмотрите!

Я посмотрел на Шишкина. Лицо у него было всё красное. По щекам и по лбу шли какие-то грязные разводы. Кончик носа был чёрный. Наверно, и я был не лучше, потому что мне попало мячом в лицо. Шишкин толкнул меня локтем:

– Пойдём умоемся, а то тебе достанется, если ты в таком виде домой явишься.

Мы вошли в комнату, и он познакомил меня со своей тётей:

– Тётя Зина, вот это мой школьный товарищ, Малеев. Мы в одном классе учимся.

Тётя Зина была совсем молодая, и я сначала даже принял её за старшую сестру Шишкина, но она оказалась не сестра вовсе, а тётя. Она смотрела на меня с усмешкой. Наверно, я очень смешной был, потому что грязный. Шишкин толкнул меня в бок. Мы пошли к умывальнику и принялись умываться.

– Ты зверей любишь? – спрашивал меня Шишкин, пока я намыливал лицо мылом.

– Смотря каких, – говорю я. – Если таких, как тигры или крокодилы, то не люблю. Они кусаются.

– Да я не про таких зверей спрашиваю. Мышей любишь?

– Мышей, – говорю, – тоже не люблю. Они портят вещи: грызут всё, что ни попадётся.

– И ничего они не грызут. Что ты выдумываешь?

– Как – не грызут? Один раз они у меня даже книжку на полке изгрызли.

– Так ты, наверно, не кормил их?

– Вот ещё! Стану я мышей кормить!

– А как же! Я каждый день их кормлю. Даже дом им выстроил.

– С ума, – говорю, – сошёл! Кто же мышам дома строит?

– Надо же им где-нибудь жить. Вот пойдём посмотрим мышиный дом.

Мы кончили умываться и пошли на кухню. Там под столом стоял домик, склеенный из пустых спичечных коробков, со множеством окон и дверей. Какие-то маленькие белые зверушки то и дело вылезали из окон и дверей, ловко карабкались по стенам и снова залезали обратно в домик. На крыше домика была труба, а из трубы выглядывала точно такая же белая зверушка.

Я удивился.

– Что это за зверушки? – спрашиваю.

– Ну, мыши.

– Так мыши ведь серые, а эти какие-то белые.

– Ну, это и есть белые мыши. Что ты, никогда белых мышей не видел?

Шишкин поймал одного мышонка и дал мне подержать.

Мышонок был белый-пребелый, как молоко, только хвост у него был длинный и розовый, как будто облезлый. Он спокойно сидел у меня на ладони и шевелил своим розовым носиком, как будто нюхал, чем пахнет воздух, а глаза у него были красные, точно коралловые бусинки.

– У нас в доме белые мыши не водятся, у нас только серые, – сказал я.

– Да они ведь в домах не водятся, – засмеялся Шишкин. – Их покупать надо. Я купил в зоомагазине четыре штуки, а теперь видишь, сколько их расплодилось. Хочешь, подарю тебе парочку?

– А чем их кормить?

– Да они всё едят. Крупой можно, хлебом, молоком.

– Ну ладно, – согласился я.

Шишкин разыскал где-то картонную коробочку, посадил в неё двух мышей и сунул коробку в карман.

– Я их сам понесу, а то ты, по неопытности, раздавишь, – сказал он.

Мы стали натягивать куртки, чтоб идти ко мне.

– Куда это ты снова собираешься? – спросила Костю мама.

– Я сейчас вернусь, только на минутку зайду к Вите, я обещал ему.

Мы вышли на улицу и через минуту уже были у меня. Мама увидела, что я не один пришёл, и не стала бранить меня за то, что я поздно вернулся.

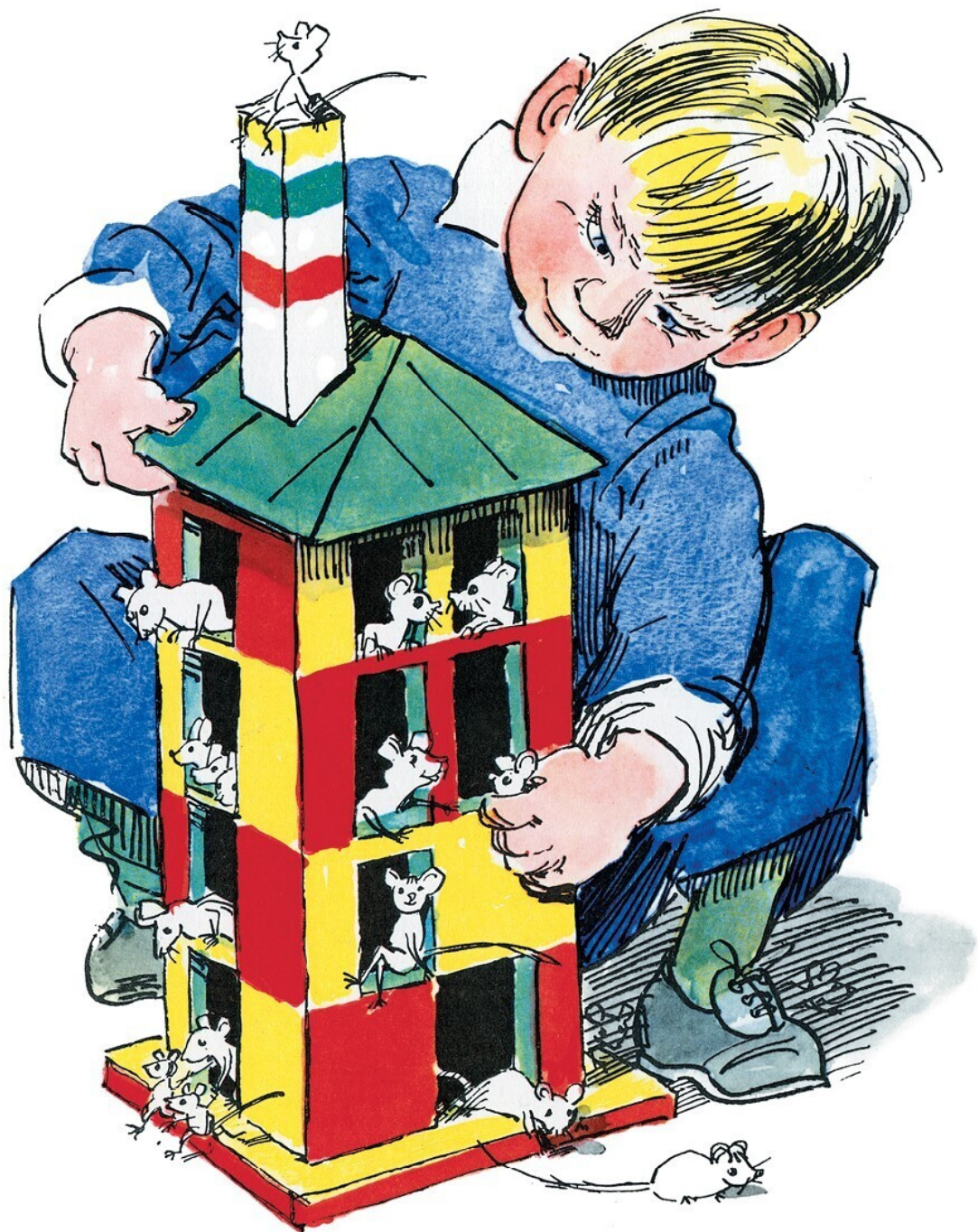
– Это мой школьный товарищ, Костя, – сказал я ей.

– Ты новичок, Костя? – спросила мама.

– Да, я только в этом году поступил.

– А до этого где учился?

– В Нальчике. Мы жили там, а потом тётя Зина окончила десятилетку и захотела поступить в театральное училище, тогда мы переехали сюда, потому что в Нальчике театрального училища нет.

– А где тебе больше нравится, здесь или в Нальчике?

– В Нальчике лучше, а здесь тоже хорошо. И ещё мы жили в Краснозаводске, там тоже было хорошо.

– Значит, у тебя хороший характер, раз тебе везде хорошо.

– Нет, у меня плохой характер. Мама говорит, что я слабохарактерный и ничего не добьюсь в жизни.

– Почему же мама так говорит?

– Потому что я никогда вовремя уроков не делаю.

– Значит, ты такой, как наш Витя. Он тоже не любит делать вовремя уроки. Вам надо взяться вместе и переделать свой характер.

В это время пришла Лика, и я сказал:

– А это вот, познакомься, моя сестра Лика.

– Здравствуйте! – сказал Шишкин.

– Здравствуйте! – ответила Лика и стала разглядывать его, будто он был не простой мальчишка, а какая-нибудь картина на выставке.

– А у меня сестры нет, – сказал Шишкин. – И брата у меня нет. Никого у меня нет, я совсем одинокий.

– А вы хотели бы, чтоб у вас была сестра или брат? – спросила Лика.

– Хотел бы. Я делал бы для них игрушки, дарил бы им зверей, заботился бы о них. Мама говорит, что я беззаботный. А почему я беззаботный? Потому что мне не о ком заботиться.

– А вы о маме заботьтесь.

– Как же о ней заботиться? Она как уедет на работу, так её ждёшь, ждёшь – вечером придёт, а потом вдруг и вечером уедет.

– А кем ваша мама работает?

– Моя мама шофёр, на автомобиле ездит.

– Ну, вы о себе заботьтесь, вашей маме было бы легче.

– Это я знаю, – ответил Шишкин.

– А вы свою куртку нашли? – спросила Лика.

– Какую куртку? Ах да! Нашёл, конечно, нашёл. Она так и лежала на футбольном поле, где я оставил.

– Вы так когда-нибудь простудитесь, – сказала Лика.

– Нет, что вы!

– Конечно, простудитесь. Забудете зимой где-нибудь шапку или пальто.

– Нет, пальто я не забуду... Вы мышей любите?

– Мышей... ммм, – замялась Лика.

– Хотите, подарю вам парочку?

– Нет, что вы!

– Они очень хорошие, – сказал Шишкин и вынул из кармана коробку с белыми мышами.

– Ой, какие хорошенькие! – завизжала Лика.

– Что ж ты ей моих мышей даришь? – испугался я. – Сначала подарил мне, а теперь ей!

– Да я ей только показываю этих, а подарю других, у меня ведь ещё есть, – сказал Шишкин. – Или, если хочешь, подарю ей этих, а тебе других подарю.

– Нет-нет, – сказала Лика, – пусть эти Витины будут.

– Ну хорошо, я вам завтра других принесу, а этих вы только посмотрите.

Лика протянула руки к мышам:

– А они не кусаются?

– Что вы! Совсем ручные.

Когда Шишкин ушёл, мы с Ликой взяли коробку из-под печенья, прорезали в ней окна и дверцы и посадили в неё мышей. Мышки выглядывали из окон, и на них было очень интересно смотреть.

За уроки я опять принялся поздно. По своему обыкновению, я сделал сначала то, что было полегче, а после всего принялся делать задачу по арифметике. Задача опять оказалась трудная. Поэтому я закрыл задачник, сложил все книжки в сумку и решил на другой день списать задачу у кого-нибудь из товарищей. Если бы я стал решать задачу сам, то мама увидела бы, что я до сих пор не сделал уроки, и стала бы упрекать меня, что я откладываю уроки на ночь, папа взялся бы объяснять мне задачу, а зачем мне отрывать его от работы! Пусть лучше чертит чертежи для своего шлифовального прибора или обдумывает, как лучше сделать какую-нибудь модель. Для него ведь всё это очень важно.

Пока я делал уроки, Лика положила в мышиный домик ваты, чтобы мышки могли устроить себе гнёздышко, насыпала им крупы, накрошила хлеба и поставила маленькое блюдечко с молоком. Если заглянуть в окошечко, можно видеть, как мышки сидят в домике и жуют крупу. Иногда какая-нибудь мышка садилась на задние лапки, а передними начинала умываться. Вот умора! Она так быстро тёрла лапками свою рожицу, что нельзя было без смеха смотреть. Лика всё время сидела перед домиком, заглядывала в окно и смеялась.

– Какой у тебя хороший товарищ, Витя! – сказала она, когда я подошёл посмотреть.

– Это Костя-то? – говорю я.

– Ну да.

– Чем же он такой хороший?

– Вежливый. Так хорошо разговаривает. Даже со мной поговорил.

– Отчего же ему не поговорить с тобой?

– Ну, я ведь девчонка.

– Что ж, если девчонка, так и разговаривать с ней нельзя?

– А другие ребята не разговаривают. Гордятся, наверно. Ты с ним дружи.

Я хотел ей сказать, что Шишкин не такой уж хороший, что он уроки списывает и мне в тетради даже посадил кляксу, но я почему-то сказал:

– Будто я сам не знаю, что он хороший! У нас в классе все ребята хорошие.

Глава четвёртая

Прошло дня три, или четыре, или, может быть, пять, сейчас уже не помню точно, и вот один раз на уроке наш редактор Серёжа Букатин сказал:

– Ольга Николаевна, у нас в редколлегии никто не умеет хорошо рисовать. В прошлом году всегда рисовал Федя Рыбкин, а теперь совсем некому, и стенгазета получается неинтересная. Надо нам выбрать художника.

– Художником надо выбирать того, кто умеет хорошо рисовать, – сказала Ольга Николаевна. – Давайте сделаем так: пусть каждый принесёт завтра свои рисунки. Вот мы и выберем, кто лучше рисует.

– А у кого нет рисунков? – спросили ребята.

– Ну, нарисуйте сегодня, приготовьте хоть по рисунку. Это ведь нетрудно.

– Конечно, – согласились мы все.

На другой день все принесли рисунки. Кто принёс старые, кто нарисовал новые; у некоторых были целые пачки рисунков, а Грачёв принёс целый альбом. Я тоже принёс несколько картинок. И вот мы разложили все свои рисунки на партах, а Ольга Николаевна подходила ко всем и рассматривала рисунки. Наконец она подошла к Игорю Грачёву и стала смотреть его альбом. У него там были нарисованы всё моря, корабли, пароходы, подводные лодки, дредноуты.

– Игорь Грачёв лучше всех рисует, – сказала она. – Вот ты и будешь художником.

Игорь улыбался от радости. Ольга Николаевна перевернула страничку и увидела, что там у него нарисован моряк в тельняшке, с трубкой во рту, точь-в-точь такой же, как на стене был. Ольга Николаевна нахмурилась и пристально поглядела на Игоря. Игорь заволновался, покраснел и тут же сказал:

– Это я нарисовал морячка на стенке.

– Ну вот, а когда спрашивали, так ты не признавался! Нехорошо, Игорь, нечестно! Зачем ты это сделал?

– Сам не знаю, Ольга Николаевна! Как-то так, нечаянно. Я не подумал.

– Ну хорошо, что хоть теперь признался. После уроков пойдёшь к директору и попроси прощения.

После уроков Игорь пошёл к директору и стал просить у него прощения. Игорь Александрович сказал:

– Государство уже израсходовало на ремонт школы много денег. Второй раз ремонтировать некому. Иди домой, пообедаешь и придёшь.

После обеда Игорь пришёл в школу, ему дали ведро с краской и кисточку, и он побелил стену так, что морячка не стало видно.

Мы думали, что Ольга Николаевна теперь уже не разрешит ему быть художником, но Ольга Николаевна сказала:

– Лучше быть художником в стенгазете, чем портить стены.

Тогда мы выбрали его в редколлегию художником, и все были рады, и я был рад, только мне-то, если сказать по правде, радоваться не следовало, и я расскажу почему.

По шишкинскому примеру я совсем перестал дома делать задачи и всё норовил списывать их у ребят. Как в пословице говорится: «С кем поведёшься, от того и наберёшься».

«Зачем мне ломать голову над этими задачами? – думал я. – Всё равно я их не понимаю. Лучше я спишу, и дело с концом. И быстрее, и дома никто не сердится, что я не справляюсь с задачами».

Мне всегда удавалось списать задачу у кого-нибудь из ребят, но наш председатель совета отряда, Толя Дёжкин, упрекал меня.

– Ты ведь никогда не научишься делать задачи, если всё время будешь списывать у других! – говорил он.

– А мне и не нужно, – отвечал я. – Я к арифметике неспособный. Авось как-нибудь и без арифметики проживу.

Конечно, списать домашнее задание было легко, а вот когда вызовут в классе, то тут только одна надежда на подсказку. Ещё спасибо, что хоть ребята подсказывали. Только Глеб Скамейкин с тех пор, как сказал, что будет бороться с подсказкой, всё думал и думал и наконец придумал такую вещь: подговорил ребят, которые выпускали стенгазету, нарисовать на меня карикатуру. И вот в один прекрасный день в стенгазете на меня появилась карикатура с длинными ушами, то есть был нарисован я возле доски, вроде я решаю задачу, а уши у меня длинные-предлинные. Это, значит, для того, чтобы лучше слышать, что мне подсказывают. И ещё какие-то стишки противные под этой карикатурой были подписаны:

«Витя наш подсказку любит,
Витя в дружбе с ней живёт,
Но подсказка Витю губит
И до двойки доведёт».

Или что-то вроде этого, не помню точно. В общем, чепуха на постном масле. Я, конечно, страшно рассердился и сразу догадался, что это Игорь Грачёв нарисовал, потому что пока его в стенгазете не было, то и никаких карикатур не было.

Я подошёл к нему и говорю:

– Сними сейчас же эту карикатуру, а то худо будет!

Он говорит:

– Я не имею права снимать. Я ведь только художник. Мне сказали, я и нарисовал, а снимать не моё дело.

– Чьё же это дело?

– Это дело редактора. Он у нас всем распоряжается.

Тогда я говорю Серёже Букатину:

– А, значит, это твоя работа? На себя небось не поместил карикатуры, а на меня поместил!

– Что же ты думаешь, я сам помещаю, на кого хочу? У нас редколлегия. Мы всё вместе решаем. Глеб Скамейкин написал на тебя стихи и сказал, чтоб карикатуру нарисовали, потому что надо с подсказкой бороться. Мы на совете отряда решили, чтобы подсказки не было.

Тогда я бросился к Глебу Скамейкину.

– Снимай, – говорю, – сейчас же, а то из тебя получится бараний рог!

– Как это – бараний рог? – не понял он.

– В бараний рог тебя согну и в порошок изотру!

– Подумаешь! Не очень-то тебя испугались.

– Ну, тогда я сам из газеты карикатуру вырву, если не испугались.

– Вырывать не имеешь права, – говорит Толя Дёжкин. – Ведь это правда. Если б на тебя написали неправду, то и тогда не имеешь права вырывать, а должен написать опровержение.

– А, – говорю, – опровержение? Сейчас будет опровержение.

Все ребята подходили к стенгазете, любовались на карикатуру и смеялись. Но я решил не оставлять этого дела так и сел писать опровержение. Только у меня ничего не вышло, потому что я не знал, как его написать. Тогда я пошёл к нашему пионервожатому Володе, рассказал ему обо всём и стал спрашивать, как написать опровержение.

– Хорошо, я тебя научу, – сказал Володя. – Напиши, что ты исправишься и станешь учиться лучше, так что не нужна будет подсказка. Твою заметку поместят в стенгазете, а я скажу, чтобы карикатуру сняли.

Я так и сделал. Написал в газету заметку, в которой давал обещание начать учиться лучше и больше не надеяться на подсказку.

На другой день карикатуру сняли, а мою заметку напечатали на самом видном месте. Я был очень рад и даже на самом деле собирался начать учиться лучше, но всё почему-то откладывал, а через несколько дней у нас была письменная работа по арифметике, и я получил двойку. Конечно, не я один получил двойку. У Саши Медведкина тоже была двойка, так что мы вдвоём отличились. Ольга Николаевна записала нам эти двойки в дневники и сказала, чтоб в дневниках была подпись родителей.

Печальный возвращался я в этот день домой и всё думал, как избавиться от двойки или как сказать маме, чтоб она не очень сердилась.

– Ты сделай так, как делал наш Митя Круглов, – сказал мне по дороге Шишкин.

– Кто это Митя Круглов?

– А это был у нас такой ученик, когда я учился в Нальчике.

– Как же он делал?

– А он так: придёт домой, получив двойку, и ничего не говорит. Сидит с унылым видом и молчит. Час молчит, два молчит и никуда гулять не идёт. Мать спрашивает:

«Что это с тобой сегодня?»

«Ничего».

«Чего же ты такой скучный сидишь?»

«Так просто».

«Небось натворил в школе чего-нибудь?»

«Ничего я не натворил».

«Подрался с кем-нибудь?»

«Нет».

«Стекло в школе расшиб?»

«Нет».

«Странно!» – говорит мать.

За обедом сидит и ничего не ест.

«Почему ты ничего не ешь?»

«Не хочется».

«Аппетита нет?»

«Нет».

«Ну пойдёшь погуляй, аппетит и появится».

«Не хочется».

«Чего же тебе хочется?»

«Ничего».

«Может быть, ты больной?»

«Нет».

Мать потрогает ему лоб, поставит градусник. Потом говорит:

«Температура нормальная. Что же с тобой, наконец? С ума ты меня сведёшь!»

«Я двойку по арифметике получил».

«Тьфу! – говорит мать. – Так ты из-за двойки всю эту комедию выдумал?»

«Ну да».

«Ты бы лучше сел да учился, вместо того чтоб комедию играть. Вот двойки и не было бы, – ответит мать.

И больше ничего ему не скажет. А Круглову только это и надо.

– Ну хорошо, – говорю я. – Один раз он так сделает, а в следующий раз мать ведь сразу догадается, что он получил двойку.

– А в следующий раз он что-нибудь другое придумает. Например, приходит и говорит матери:

«Знаешь, у нас Петров сегодня получил двойку».

Вот мать и начнёт этого Петрова пробирать:

«И такой он и сякой. Родители его стараются, чтоб из него человек вышел, а он не учится, двойки получает...»

И так далее. Как только мать умолкнет, он говорит:

«И Иванов у нас сегодня получил двойку».

Вот мать и начнёт отделывать Иванова:

«Такой-сякой, не хочет учиться, государство на него даром деньги тратит!...»

А Круглов подождёт, пока мать всё выскажет, и снова говорит:

«Гаврилову сегодня тоже двойку поставили».

Вот мать и начнёт отчитывать Гаврилова, только бранит его уже меньше. Круглов, как только увидит, что мать уже устала браниться, возьмёт и скажет:

«У нас сегодня просто день такой несчастливый. Мне тоже двойку поставили».

Ну, мать ему только и скажет:

«Болван!»

И на этом конец.

– Видать, этот Круглов у вас был очень умный, – сказал я.

– Да, – говорит Шишкин, – очень умный. Он часто получал двойки и каждый раз выдумывал разные истории, чтоб мать не бранила слишком строго.

Я вернулся домой и решил сделать так, как этот Митя Круглов: сел сразу на стул, свесил голову и скорчил унылую-преунылую физиономию. Мама это сразу заметила и спрашивает:

– Что с тобой? Двойку небось получил?

– Получил, – говорю.

Вот тут-то она и начала меня пробирать.

Но об этом рассказывать неинтересно.

На следующий день Шишкин тоже получил двойку по русскому языку, и была ему за это дома головомойка, а ещё через день на нас обоих опять появилась в газете карикатура. Вроде как будто мы с Шишкиным идём по улице, а за нами следом бегут двойки на ножках.

Я сразу разозлился и говорю Серёже Букатину:

– Что это за безобразия! Когда это наконец прекратится?

– Чего ты кипятишься? – спрашивает Серёжа. – Это ведь правда, что вы получили двойки.

– Будто мы одни получили! Саша Медведкин тоже получил двойку. А где он у вас?

– Этого я не знаю. Мы сказали Игорю, чтоб он всех троих нарисовал, а он нарисовал почему-то двоих.

– Я и хотел нарисовать троих, – сказал Игорь, – да все трое у меня не поместились. Вот я и нарисовал только двоих. В следующий раз третьего нарисую.

– Всё равно, – говорю я. – Я этого дела так не оставлю. Я напишу опровержение!

Говорю Шишкину:

– Давай опровержение писать.

– А как это?

– Очень просто: нужно написать в стенгазету обещание, что мы будем учиться лучше. Меня так в прошлый раз научил Володя.

– Ну ладно, – согласился Шишкин. – Ты пиши, а я потом у тебя спишу.

Я сел и написал обещание учиться лучше и никогда больше не получать двоек. Шишкин целиком списал у меня это обещание и ещё от себя прибавил, что будет учиться не ниже чем на четвёрку.

– Это, – говорит, – чтоб внушительней было.

Мы отдали обе заметки Серёже Букатину, и я сказал:

– Вот, можешь снимать карикатуру, а заметки наши наклейте на самом видном месте.

Он сказал:

– Хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.